

Александр Абдулов

10.11.03

«Для актера самое главное – не «забронзоветь». Это так быстро происходит, так незаметно! Вдруг – раз! И человек – бронзовый. И – все. Он мертв».

Народный артист России,
режиссер, продюсер, сценарист

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ,

сыгравший в спектаклях «Ленкома» героев Достоевского, хотел бы воплотить на сцене образ самого Федора Михайловича

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ К РАСКАЛЕННОМУ УТЮГУ

Кинорежиссер Сергей Соловьев считает, что суть личности Абдулова можно определить очень просто: он чистой воды актер. Правда, продолжает он, сейчас Абдулов вполне уверенно и даже виртуозно владеет, наверное, десятком других профессий, но все это благодаря именно своей химически чистой актерской природе.

С Александром АБДУЛОВЫМ беседует наш корреспондент Екатерина ГРИГОРЬЕВА.

– Александр Гаврилович, вы работаете в «Ленкоме» почти 30 лет. Случались ли за эти годы попытки уйти из театра?

– Самостоятельные? Нет. Меня увольняли.

– За что?

– А я просыпал начало утренних спектаклей...

– Увольняли, но вы – не уходили?

– Не уходил. И меня восстанавливали.

– «Ленком» – репертуарный театр... Нужен ли такой театр сегодня?

– Необходим. Репертуарный театр – это возможность играть то, другое, третье...

– А антреприза...

– Антреприза – это тоже, может быть, неплохо. Я сам этим занимаюсь, у меня есть своя антреприза... Но это – зарабатывание денег. Ровно две недели работы. А в театре люди по полгода мучаются над выпуском спектакля. Антреприза построена на именах популярных артистов. А в репертуарном театре на сцене может появиться молодой, никому пока не известный актер.

– Но молодые актеры приходят в театр и много лет играют в «массовках»...

– И я играл!..

– А вот, к примеру, молодой актер Игорь Лифанов задает вопрос: почему я, умный, красивый, талантливый, должен играть в «массовке» только из-за того, что «так принято»? И ушел из БДТ.

– Игорь – очень талантливый парень. Но так заявлять я бы не стал. Другой вопрос, что, возможно, речь идет о сегодняшнем БДТ, в котором дела, мягко говоря, не очень хороши. Я не думаю, чтобы он так говорил, если бы играл в театре при Товстоногове. Потому что у Захарова в любой «массовке» интересно работать. Во все времена молодому артисту было очень сложно получить серьезную роль. Но если в молодом актере Смоктуновском режиссер Товстоногов вдруг видит Мышкина... Тогда-то все и встает на свои места.

– Вы уже шесть лет играете главную роль в ленкомовском спектакле «Варвар и еретик». Отличается ли ваш герой от персонажа, описанного в романе?

– Отличается. Я вообще считаю, что «Игрок» – далеко не самое лучшее произведение Федора Михайловича. Мне не столько роман интересен, сколько русская натура, в нем

описанная. Мне в человеке покопаться интересно. А в романе ведь и сюжета нет...

– Человек ради денег, игры и куража отказался от любимой женщины. Разве это не сюжет?

– Он не от женщины отказался. Этот человек отказался от родины, от земли... Даже не отказался, выжиг в себе это. Такое только русским свойственно – они жгут себя утюгом и получают удовольствие. Слова, которые я говорю в финале: «Господи, прости!» – тоже, я считаю, только русским присущи – это исповедь, желание покаяться...

– Сегодня – покаяться, а завтра – заново?

– А завтра заново...

– Мне кажется, что герой Достоевского – человек слабый, закрученный мясорубкой событий. А вы играете личность, которая не просто понимает, что происходит вокруг, но и управляет этим.

– Правильно. Абсолютно. Исполнять роль человека, которого ведут, неинтересно, это все играли. Вот Сергей Соловьев первый акт посмотрел и говорит: «Ты знаешь, я сошел с ума. Это мир одного человека из миллионов кусков, чудовищная мозаика его сознания...» Во втором акте уже идет сюжет. А в первом – подосознание человека, который сам себя ест изнутри, сжигает. Он даже не режиссер происходящего, он дирижер. Но только своей жизнью. Окружающие – часть его сознания.

– Вы впервые столкнулись на сцене с Достоевским?

– Нет. Я когда-то играл Петра Верховенского. Достоевский – единственный автор, с которым у меня странные вещи происходят. Вот начинался спектакль, выходил я и говорил: «Папаша мой, Степан Трофимыч...» и не знал, что дальше буду делать! Он меня тянет. Не я его. И с «Варваром...» творится то же самое: каждый раз по-другому. Даже на репетиции, когда я начинаю механически «ду-ду-ду», он не позволяет мне просто так произносить текст. Мне говорят: «Саша, побереги голос, давай эту сцену быстренько пробежим...» – а меня опять куда-то ведет.

– Захаров не против, что вы каждый раз выходите за рамки спектакля?

– Наоборот. Он приветствует, когда я куда-то чуть выше поднимаюсь.

– А вы все время выше поднимаетесь?

– Нет. По-разному бывает. У меня в этой роли амплитуда сумасшедшая. Ни с одним другим автором у меня такого не было. А здесь – мистика.

– У вас есть что-то общее с героем «Варвара»?

– Мне тяжело ответить на этот вопрос. У меня очень много общего с самим Федором Михайловичем. Он мне очень близок по духу, по мазохизму, которым он занимался всю жизнь...

– Достоевский был слабым человеком?

– Достоевский? Он был очень сильным.

– Он был заложником своих страстей. Разве это не слабость?

– Таких «заложников» полно. Только почему-то никто не пишет «Братьев Карамазовых»...

– Кого еще хотелось бы сыграть из героев Достоевского?

– Сейчас я, наверное, буду играть Карамазова-отца. Мне многое хочется сыграть: Ставрогина, например...

– Князя Мышкина?

– И Мышкина. Их же написал один человек. Он был и Мышкиным, и Ставрогиным, и Карамазовым... Мне вот интересно его, Федора Михайловича, сыграть... Понять его хочется, что он делал, куда шел... Я Лира очень хочу сыграть. Это – из той же команды...

– У Достоевского в «Игроке» есть замечательные слова: «Вот я – достойный человек, а поставить себя с достоинством не умею. Все русские таковы, потому что они слишком богаты и разносторонне одарены...»

– Это действительно так, и спрессовать все в тюбик – не получается. Возьмите любого талантливого человека. У него очень не простая жизнь. У него не всегда складываются отношения с другими людьми. У него не бывает все хорошо в доме – тихо, размеренно, гладко. Ну не бывает! Потому что из одаренного человека энергия бьет ключом, и он волевыми неволеями кого-то обидит, кого-то полюбит, кого-то оставит...

– Он – цунами, торпеда, и вы либо принимаете его таким, либо нет.

– Но разве простительно, если он в своих гениальных порывах разрушает чужие жизни?

– Но он-то этого не хочет! Если человек сознательно обижает других, то он – мерзавец. Не буду называть фамилии, но я знаю нескольких режиссеров, которые обожают издеваться на съемочной площадке над слабыми: кого-то из «массовки» возьмут и начинают его уничтожать. На меня он крикнуть не может, а на него – пожалуйста. Это – хамство, подлость, мерзость... Но мы говорим про человека, который если и причиняет вред, то неосознанно. Это люди к нему тянутся, не он к ним. Если ты не можешь соответствовать гению – не подходи к нему. Вот и все.

– Тогда гений останется в одиночестве.

– Нет. Он никогда не останется в одиночестве. Он потому и гений, что всегда придумает себе любую ситуацию и будет в ней жить. Вот я как-то сидел и разговаривал с Сергеем Параджановым. Он мне четыре часа рассказывал разные истории, и я очень пожалел, что не было камеры, чтобы это заснять. Он четыре часа врал.

– Но это я понял уже потом. Ну, например, он говорил: «Идем мы как-то раз по Невскому, через Спасские ворота выходим на Крещатик, и я предлагаю махнуть по улице Горького...» И я потом подумал: как это он шел по Невскому через Крещатик и вышел на

Самая мучительная роль Абдулова – в спектакле «Плач палача»

Горького? А ему было все равно, он мог три города пройти в одной фразе. Потому что он – гений. И каждая его история была отдельным сценарием, отдельным спектаклем, чем хотите!

– Если посмотреть на Александра Абдулова, каким он был 15 – 20 лет назад, можно ли объективно судить, что происходило с тем молодым человеком, на чью голову обрушилась сумасшедшая популярность?

– Могла крыша поехать очень просто и быстро. Но вот что-то меня вело и до сих пор ведет. Что-то мне подсказывает: «Саша, не ходи туда... Не делай этого...» Был большой соблазн присоединиться к так называемой золотой молодежи и веселиться на «празднике жизни»... Но так как я приехал с периферии, из Ферганы, и помогать мне было некому, я делал для себя все сам... Я понимал, что моя популярность – всего лишь случай. Случай. Не закономерность.

– Но когда все кричат: «Ты – гений!» – можно ли в это не поверить?

– Можно. Не поверил. Я понял, что это – подарок. Чтобы это продолжалось, надо очень много работать. Я не знаю, как я это понял, может быть, неосознанно, но понял. Наверное, и были какие-то периоды, когда я там что-то... Но я очень быстро становился на место. Вообще для актера самое главное – не «забронзоветь». Это так быстро происходит, так незаметно! Вдруг – раз! И человек – бронзовый. И – все. Он мертв. А меня еще отец с детства приучил, что ничего с неба не падает. Все нужно зарабатывать себе потом и кровью...

– Глупости делали?

– А как же! Чего только не было... Я же шесть лет невыездовой был...

– Почему?

– А у меня любимая девушка была американкой, ее отсюда выслали как американскую шпионку. Да много всего было... Столько глупостей делал в жизни! Но ведь это мои глупости...

– Что сегодня важно для Александра Абдулова?

– Для меня сегодня важен мой дом, мой театр, в котором я год подряд репетировал спектакль «Плач палача»... Спал в сутки по часу, не мог уснуть, потому что ничего, ничего не получалось. Я впервые в жизни не мог выучить текст. До самой премьеры. Настолько он был сложным...

– А Захаров требовал точного воспроизведения – слово в слово... Это было безумно тяжело, потому что текст не просто надо было выучить, его надо было оправдать, так чтобы он дошел до зрителя со сцены... Самая мучительная роль для меня была.

– Когда-то вы говорили, что сказки надо перечитывать трижды – по мере взросления человека... Какую сказку вам хочется сегодня перечитать?

– Сказки забывать никогда не надо. А я хочу перечитать «Снежную королеву»...

– Чувство влюбленности вам сегодня знакомо?

– А оно и не пропало никуда.

– Влюбляетесь часто?

– Часто. Хотя это громко сказано.

– Влюбиться по-настоящему можно только раз в жизни, я так думаю.

– Влюбиться или полюбить?

– Полюбить.

– Чем сложна для вас актерская профессия?

– Да она всем сложна. Но никто не должен знать, что она сложная, тяжелая, что иногда кровь из носа течет... Пусть зритель верит, что все легко, хорошо, замечательно. Актер не должен делиться кухней. Это как фокусник расскажет, что вот здесь у него платочек спрятан, а там – шарик... И в своем окружении «марку держать» надо?

– Все мои друзья прекрасно знают, чего мне стоит сыграть роль, никто из них не скажет, что мой хлеб сладок.

– А перед остальными – да, надо «держать марку».

– Чего вам не хватает в жизни?

– Жизни. Продлить бы ее по-дольше... Сутки короткие. Не успеваю.

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС